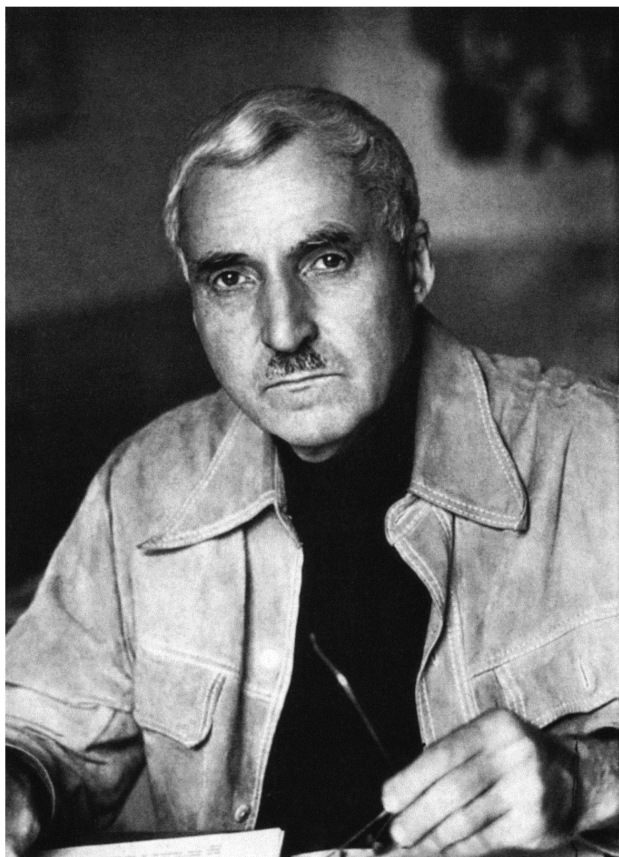

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

1915-1979

Константин Симонов

Живые и мёртвые
Последнее лето

Книга 3

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
СЗ7

Симонов, К.

СЗ7 Живые и мёртвые. Книга 3. Последнее лето / К. Симонов. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 860 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-519-61307-1

Третья книга «Последнее лето» завершает трилогию Константина Симонова «Живые и мёртвые». Роман «Последнее лето» в полной мере раскрывает тему «человек на войне». Каждый из героев эпоса Константина Симонова пережил драму и заново обрел веру в ценность жизни и в свою судьбу в последние дни Великой Отечественной войны.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-61307-1

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. К. Симонов,
наследники, 2018

1

Сорок четвертый год, так же как и минувший сорок третий, начался под грохот орудий в разгар нашего зимнего наступления. Но тогда, год назад, война шла еще в глубине России, в междуречье Волги и Дона, а теперь шагнула далеко на запад, за Днепр, в Правобережную Украину.

В конце января было окончательно разорвано кольцо блокады вокруг Ленинграда, в феврале в котле под Корсунь-Шевченковским погибло десять немецких дивизий. В марте и апреле немцам пришлось оставить почти всю Украину — Умань, Херсон, Винницу, Проскуров, Каменец-Подольск, Черновицы, Николаев, Одессу. Наши войска вступили в северную Румынию, освободили Крым и в начале мая штурмом взяли Севастополь.

Но даже все это, вместе взятое, было только началом тех огромных событий, которым еще предстояло развернуться до конца этого бурного года.

С середины апреля наступление стало постепенно затихать. Завершив свои операции, фронты один за другим останавливались на достигнутых к весне рубежах. А вслед за взятием Севастополя наступила общая глубокая и длительная пауза, означавшая собой начало подготовки к новому наступлению.

Удовлетворение сделанным соседствовало в сознании людей с предчувствием предстоящего. И от этого предчувствия, от все растущей уверенности в нашем, теперь уже бесповоротном военном превосходстве над немцами все чаще казалось, что приближающееся четвертое лето войны будет последним. Во всяком случае,

хотелось так думать...

Только испытав это чувство, можно понять всю меру досады и тревоги военного человека, вдруг в это самое время силою случайных обстоятельств вырванного из гущи войны и очутившегося сначала на операционном столе, а потом на больничной койке. Разбившись на «виллисе», Серпилин попал в госпиталь с переломом ключицы и легким сотрясением мозга и теперь третью неделю долечивался в подмосковном военном санатории Архангельское. Был уже конец мая, а впереди все еще оставалось целых десять дней до врачебной комиссии и возвращения в армию, если пустят.

Авария произошла недалеко от местечка Студенец, на хорошо памятном по сорок первому году большаке, выходявшем к железной дороге. Тогда, прорываясь к своим из-под Могилева, он ночью с остатками дивизии пересекал эту железную дорогу Кричев — Орша, а теперь, через три года, его армия после зимних боев сосредоточивалась в этих же самых местах перед все еще занятым немцами Могилевом.

Объездив знакомые места, Серпилин уже возвращался к себе в штаб, как вдруг шедший впереди «виллис» с офицером разведотдела, забуксовав на обочине, зацепил колесом за черт ее знает с каких пор лежавшую там мину.

Водитель Серпилина вывернул и врезался в дерево. Приехав теперь в Москву, чтобы быть под рукой у командующего, он до сих пор ходил как в воду опущенный, хотя действовал правильно, а врезался в дерево потому, что была ночь и его ослепило взрывом.

Наверно, еще правильней было бы не вывертывать, а затормозить. Но этого Серпилин не сказал, не захотел добивать человека. Только подумал про себя: не сменить ли, когда вернемся на фронт? Как бы не стал после этого перестраховываться.

Серпилин жил в жестокой досаде на случившееся с той самой минуты, как по дороге в госпиталь, еще в машине, пришел в себя. Армия без него вышла на новое направление, без него пополнилась, без него изучала оборону противника и готовилась к летним боям, — а он все лечился. Еще плохо действовала левая рука, и приходилось каждый день заниматься гимнастикой с лечащим врачом. Лечили тут основательно — такой приказ. Пока затишье, медицина этим пользуется!

В Архангельском царила атмосфера ожидания и нетерпения. Все ждали лета. В прошлом году в это время тоже ждали лета, но ждали с тревогой: не пойдут ли немцы ломить нас еще раз?

А этого лета ждали с твердой верой в то, что с самого начала будем наступать мы.

Кроме военных в санатории лечились и разные другие люди. Среди них — знакомый Серпилину еще с тридцатых годов директор уральского артиллерийского завода. Его противотанковые пушки с большой начальной скоростью хорошо показали себя на Курской дуге, и теперь их начали ставить на танки. Этот человек, хотя его недавно еле отходили после тяжелого сердечного приступа, тоже, как понял из разговора с ним Серпилин, спал и видел: поскорей вернуться к се-

бе на Урал, на завод. Все спешили! Всем казалось, что без них не обойдутся ни на фронте, ни в тылу.

На войне все время в своей армии — с кем вместе воюешь, с тем и видишься. А тут, в санатории, — перекресток, люди с разных фронтов. Серпилин даже перестал удивляться тому, сколько знакомых встретил за три недели. С одним учился в академии, у другого стажировался, с третьим служил... А сегодня утром, после завтрака, гуляя по Архангельскому парку, вдруг услышал за спиной:

— Федор Федорович, ты?

И, повернувшись, увидел своего бывшего командарма Батюка в байковой теплой верблюжьего цвета пижаме и тапочках.

Несмотря на знакомую бритую голову и черные усы, Серпилин не сразу узнал его — настолько была неожиданна встреча, да и непривычен самый вид Батюка в этой байковой, рыжей пижаме.

Когда после боев в Сталинграде Серпилин, еще не зная своей судьбы, уезжал в Москву по вызову Сталина и явился прощаться, Батюк стоял у своего «виллиса» одетый по-зимнему — в полушубке, папахе и бурках. Таким и запомнился; больше не виделись. А теперь эта пижама и тапочки!

— Здорово, Иван Капитоныч! — сообразив, что все же это Батюк, сказал Серпилин и пошел навстречу.

Может быть, не только Серпилин, но и Батюк почувствовал заминку, которая вышла прежде, чем они обнялись. Но когда уже обнялись, Батюк задержал его дольше, чем можно было ожидать. Наверно, хотел по-

казать, что не в обиде за прошлое.

«Ну что ж, хорошо, коли так», — подумал Серпилин и в душе еще раз поблагодарил тогдашнюю нелетную погоду за то, что избавила их обоих от трудных минут: Батюк отбыл в Москву поездом за сутки до того, как Серпилин прилетел сменить его на армии.

— Знал, что ты здесь, — сказал Батюк, выпуская Серпилина из объятий. — Вчера, как прибыл, стал выяснять обстановку: кто в инвалидной команде? Заходил к тебе, но сестра сказала: к докторше чай пить пошел. Решил не мешать. Дело твое теперь холостое.

Серпилин промолчал. Не ответил. Потом посмотрел на здоровое, загорелое лицо Батюка и спросил:

— А ты что, не в нашу, инвалидную?

— Бог миловал, — сказал Батюк. — Получил после Крыма две недели на отдых. Мою гвардейскую — в резерв Ставки, а меня — сюда. За себя временно оставил начальника штаба Варфоломеева. Как и ты, академик. Но командной жилки не имеет, так что не подсидит.

— А я тебя не подсиживал... для ясности, — сказал Серпилин спокойно, но в голосе его была нота, предупреждавшая от дальнейшего разговора на эту тему.

— Шучу и про него и про тебя! Знаю, что не подсиживал, — сказал Батюк, — а то бы не разыскивал тебя. Дорожек тут в парке много... Верные сведения имею, что не женился?

— Верные.

— А я свою сюда ожидаю. Авиаторы обещали сегодня из Омска доставить.

— Давно не видел?

— С начала войны. Было подумал, самому к ней туда, а потом решил, пусть в Москву прилетает. Сын на фронте, внуков нет.

— Где теперь сын? — спросил Серпилин, помнивший, что тогда, в сорок третьем, сын Батюка служил в артиллерии под Ленинградом.

— Все там же, на Карельском перешейке. Вторую войну там трубит. Все же у нас на южных фронтах веселее! Нынче здесь, завтра там.

— Да, — неопределенно сказал Серпилин, вспомнив, как в сорок втором они с Батюком отступали от Дона к Волге, и подумав, что еще неизвестно, где тогда было веселее — в Ленинграде или там, у них на юге. — Да... — помолчав, повторил он. — Теперь на юге, конечно, веселее.

Он подумал не о себе, а о войне, а Батюку по выражению его лица показалось, что о себе и своем погибшем на Воронежском фронте сыне.

— Хотели тогда с Захаровым перевести его поближе к тебе, в нашу армию, — сказал Батюк. — Но не успели. А успеешь — может, и жив был бы до сего дня. Хотя война такая...

Он не закончил фразу. Оба они достаточно хорошо знали, какая эта война и как трудно угадать, где на ней человек уцелеет, а где умрет.

— Мой только один раз легко ранен был, там же, в Ленинграде. Пролежал месяц — и опять в строй, — сказал Батюк о своем сыне. И без паузы спросил:

— Про наши крымские дела наслышан?

Серпилин кивнул. Про крымские дела он был доста-